

І. Пролог. 1945 год. Шотландия

Шел апрель. Вдали от Японии, в горах на окраине деревни Фойерс в Шотландии, что на севере Британских островов, мужчина в одиночку неустанно строил причудливый дом.

Сперва он строил его вместе с отцом, втайне от жителей деревни выкладывая кирпичи по периметру стального каркаса, но, состарившись, отец решил поручить отделку сыну, удалившись спокойно доживать свои дни в деревенском доме у всех на виду, — поэтому жители деревни и не подозревали о строительстве тайного жилища в горах.

У необычного дома не было ни единого окна, хотя с вершины холма открывался прекрасный вид: стоя у входа, сквозь рощу буковых деревьев вдалеке можно было разглядеть вытянутое озеро.

В столь туманном регионе озеро можно было увидеть лишь в течение нескольких солнечных дней в году, но тогда оно было подобно блестящему ожерелью, достойному королевы, — сияло так, словно в его воде были спрятаны бриллианты, а стоило закатному солнцу опуститься, как его поверхность становилась золотой.

Мужчина не хотел, чтобы жители деревни, находящейся в получасе ходьбы от озера, знали о его секретном жилище, поэтому строил его глубоко в лесу, в удалении от горной дороги. Он намеренно выбрал заросли буковых деревьев, сквозь которые даже с воздуха невозможно было что-либо разглядеть. Мужчина осмотрительно не прокладывал дорогу к единственному входу — чтобы не протоп-

тать ее по склону холма. Снова и снова приходя к дому, он специально каждый раз подбирался к нему с разных сторон.

Мужчина был застенчивым и скрытным, поэтому не очень ладил с жителями деревни. Особенно тяжело ему давалось общение с женщинами — единственными его подругами могли стать разве что девочки лет десяти.

Мужчина был еще молод, ему только исполнилось тридцать, но он не испытывал нужды в деньгах — в Лондоне, большом городе на юге, у него была своя фирма, которой он управлял вместе с приятелем. И мог, не раздумывая, тратить любые суммы на подарки для знакомых детей.

Устав от строительства дома, мужчина, бывало, спускался с холма к озеру, чтобы отдохнуть. Каждую субботу туда на велосипеде приезжала девочка Клара, что жила вместе с матерью в деревне Даллес в десяти километрах отсюда. Она собирала редкие цветы, что росли у озера, чтобы к возвращению отца из города Инвернесс воскресным утром поставить их у окна.

Мужчина был поражен красотой девочки. Ее блестящие золотистые волосы вились, пушок на щеках и на шее также отливал золотом на солнце, даже ее длинные ресницы казались золотыми. У Клары была белоснежная кожа, нежные розовые губы и большие зеленые глаза, как у многих девушек этой северной страны.

Подружившись с девочкой, мужчина каждую субботу, прихватив с собой подарки и разнообразные угощения, отправлялся на встречу с ней на поляну у озера. И девочка со временем тоже стала с нетерпением ждать этих встреч.

Но мужчине этого казалось мало. Девочка была так мила и притягательна, что он хотел обнять ее и не отпустить, мирно спать рядом с ней... казалось, он был готов съесть ее.

Поэтому однажды мужчина убил Клару прямо в том самом лесу — он не мог даже подумать о том, чтобы попро-

щаться с ней до следующей субботы. Час разлуки приближался, а он не готов был с ней расстаться.

Утопив велосипед Клары в озере, он забрал ее тело, теперь принадлежавшее лишь ему одному, в свой секретный дом, что он строил на склоне холма. Той ночью он спал в обнимку с бездыханным телом девочки.

На следующий день он захотел еще крепче обнять златовласую головку Клары, поэтому отделил ее от туловища. Прижав голову к себе, он снова и снова гладил ее по волосам, целовал ее холодные щеки.

Затем он снял с нее всю одежду, разрезал ее живот и вынул все внутренние органы. Мужчина страстно хотел узнать ее секрет — понять, что же именно так привлекало его в этом маленьком незащищенном существе. Он полагал, что, изучив все ее части и потаенные места, он сможет понять, чем она так очаровала его.

Однако, чем дольше и тщательнее он рассматривал ее тело, тем меньше понимал причину своей страсти. Разделенное на маленькие отдельные кусочки плоти, оно все больше походило на тушки кроликов или собак, не вызывавших у него особых чувств.

Тогда мужчина, используя нож, с большим трудом вынул зеленые глаза девочки. Ведь, возможно, именно в них крылась причина его безумия?

На какое-то время это его удовлетворило. Он был счастлив петь и танцевать в одиночестве, бережно держа глазные яблоки Клары в руках, но постепенно улыбка стала исчезать с его лица — чистые зеленые глаза, так привлекавшие его своей красотой, помутнели и потеряли цвет.

Впав в уныние, мужчина полдня просидел без дела. Однако было необходимо как можно быстрее закончить строительство дома, чтобы успокоить отца. Кроме того, труп девочки, пропавшей без вести, нельзя было оставлять вот так — ее родители и полиция могли заявиться к нему, ведя поиски.

Мужчина решил спрятать останки в стене дома, который он строил. Стоит залить тело цементом — и о нем никто никогда не узнает!

Сперва мужчина смешал с цементом всю кровь, вытекшую из тела девочки. Затем пригвоздил ее останки к северной стене дома — он заново собрал ее тело из частей, постаравшись установить его вертикально, а голову присоединил к телу, намотав волосы на забитые в стену гвозди. Ему хотелось повторить особенно полюбившуюся сцену: прекрасная Клара, стоящая одна среди цветов на берегу озера.

Разместив тело девочки таким причудливым образом, мужчина отступил назад, чтобы хорошенько все рассмотреть. Он был впечатлен, уловив загадочную, странную красоту в открывшемся ему зрелище: девочка стала похожа на искусно изготовленную куклу, неживую и неспособную двигаться, но все же прекрасную. Она была подобна пригвожденной к стене бабочке с распростертыми крыльями, во много раз более впечатляющей, чем живая бабочка, летающая в поле.

Мужчина остался доволен результатом. Целый день он любовался Klarой, а потом принялся заливать ее останки цементом. Один толстый слой за другим, тщательно и аккуратно, пока труп девочки окончательно не пропал из виду.

Минуло десять лет, и беспорядки мировой войны утихли. Полицейский из деревни Даллес тщетно пытался выяснить, куда исчезла Клара, каждую субботу ездившая на озеро за цветами. Снова и снова прочесывая окрестности, он наконец нашел дом мужчины, скрытый глубоко в лесу.

Странный дом на склоне холма удивил полицейского. Зайдя внутрь, он был ошеломлен: в доме без единого окна царил крошечная тьма.

Обшарив весь дом с фонариком, полицейский не обнаружил ни единого намека на тело девушки.

Отчаявшись, он вернулся в Даллес и той же ночью, лежа в постели, вдруг подумал о той стене, где могли быть спрятаны останки.

На следующий день, прихватив с собой товарищей, полицейский вернулся в таинственный дом, чтобы разломать цемент в северной стене.

Но как же обстояло дело? Тело девочки попросту исчезло! Кто-то действительно спрятал тело Клары в стене давным-давно, но за десять лет оно окончательно испарилось, подобно дыму.

Однако полицейский из деревни Даллас не догадывался об этом, поэтому, пробив дыру не только в северной стене, но и в остальных трех, он, разочарованный, вернулся восвояси, коря себя за ошибку.

В конце концов пропавшую Клару так и не нашли, а похитивший ее преступник остался непойманным. Преступление не было раскрыто, и никто из людей, не раз тщетно пытавшихся разгадать эту запутанную загадку, так и не смог узнать ответ.

II. 1984 год. Станция Басямити

Шел сентябрь 1984 года. Лето только закончилось, а в воздухе уже разливались освежающие запахи осени. В то время в Йокогаме частный детектив Киёси Митараи был никому не известен, поэтому дома у нас клиенты не появлялись. Заказов на расследования совсем не было: стоило появиться хоть какому-нибудь интересному заголовку или газетной статье, как Митараи, казалось, был готов сам выйти на улицы и начать разноухивать. У меня тоже было довольно много свободного времени.

Возможно, дело было в обыкновенной осенней хандре, но в тот год я почувствовал себя особенно одиноким — не приглашая никого из друзей, бесцельно бродил в одиночестве по улицам Йокогамы, берегу моря и старым склад-

ским районам. Я мог часами рассеянно наблюдать за волнами, приближающимися к каменной набережной у моих ног, за опавшими листьями, покрывавшими поверхность воды, за струйками фонтана, неуклонно поднимавшимися, чтобы обрушиться вниз.

Вспоминая о том времени, я думаю, что был подавлен и испытывал некоторую ностальгию, возможно, из-за отсутствия в моей жизни любимой женщины. Слово «ностальгия» верно лишь отчасти — ведь Йокогама сперва была, так сказать, местом, вызывавшим именно горькие воспоминания. Стоило моему другу заговорить о переезде в Йокогаму, как я готов был кричать, что поеду куда угодно, только не туда.

Со временем мои душевные раны затянулись, и места, куда, как я думал, больше не смогу ступить при жизни, стали производить совсем иное впечатление — я был удивлен, как скоро смог спокойно ходить по дорогам вдоль городского канала и рядом с главным иностранным кладбищем. Подобно тому, как алкоголь из горького пойла, от которого воротить нос, постепенно превращается в сладкий нектар, эти места, порождавшие болезненные воспоминания, стали вызывать у меня теплые чувства.

В конце концов, я был очень благодарен Митараи, заставившему меня переехать в этот район, — без этой шоковой терапии я, возможно, не смог бы до конца своих дней даже приблизиться к Йокогаме.

Однако это была не единственная причина, по которой осенью 1984 года я бесцельно бродил по улицам. Сейчас я осознаю, что, возможно, чувствовал себя одиноким, потому что в кругу моего общения вообще не доставало женщин — чем старше я становился, тем отчетливее ощущал страх одиночества. Подсознательно я ждал, что, гуляя вот так по старым улицам этого приморского города, я встречу женщину — фантазия, порожденная прочитанными мной романами. Я был так молод тогда, что попросту не мог этого осознать.

Кроме того, я всегда страшно завидовал своему другу. Митарай словно существовал вне рамок обыденности — ни отсутствие женщины, ни однообразная повседневность не волновали его; не было даже видимости того, что он тосковал по любви.

Я мог дни напролет проводить в кресле, читая журналы или рисуя карикатуры, в то время как он спорил сам с собой о том, меняется ли вес волчка, если вращать его по часовой стрелке, а не против¹. Или же посреди рассказа о пяденицах², ползущих наперегонки по поверхности листа, он мог вдруг громко запеть непонятную песню на иностранном языке и удалиться к себе в комнату.

Видя друга в таком состоянии, я стал еще глубже впадать в депрессию и все чаще слонялся по городу, не желая возвращаться домой.

Однажды вечером, когда мой друг был занят уборкой, а я в одиночестве слушал музыку, зазвонил телефон.

Звонки крайне редко предназначались мне, поэтому я сперва окликнул Митарай, чтобы тот поднял трубку, но он,

---

¹ Речь идет о так называемом гироскопическом эффекте, который заключается в изменении веса вращающихся гироскопов (волчок, по сути, является простейшим гироскопом), причем в зависимости от направления вращения гироскопа происходит либо уменьшение, либо увеличение его веса. Это явление было открыто в 1958 г. физиком Н. Козыревым и впоследствии подтверждено другими исследователями.

² Пяденицы, или землемеры (*Geometridae*, *лат.*), — обширное семейство бабочек. Больше, чем бабочки, характерны гусеницы: они тонкие, длинные, с неразвитыми передними парами брюшных (ложных) ног, так что ложные ноги обыкновенно имеются всего в числе двух пар — на 7-м и 9-м кольце брюшка. Благодаря этому гусеницы ползают весьма своеобразно: укрепившись грудными ногами, гусеница изгибает среднюю (безногую) часть тела петлеобразно вверх и придвигает брюшные ноги к грудным; затем, укрепившись ложными ногами, вытягивает тело вперед, снова укрепляется грудными ногами и т. д. Таким образом ползущая гусеница как бы измеряет проходимое ею пространство пядью или землемерной цепью.

похоже, не услышал, полностью поглощенный мытьем посуды после ужина. Я был вынужден подняться и ответить.

— Алло, это дом господина Исиока? — вежливо спросил тихий женский голос.

Меня обычно не называли по фамилии «Исиока». К осени 1984 года я написал только две книги о работе Митараи, но даже его имя было куда известнее моего. Честно говоря, и теперь по фамилии меня мало кто зовет, разве что мои редакторы да собеседники помладше.

Кроме того, я никак не ожидал телефонного звонка. Что-то в этом женском голосе показалось мне странным, и я взволнованно задрожал.

— Верно, — ответил я неуверенно.

— Вы — Кадзуми Исиока? — спросила женщина.

— Это я.

Стоило мне ответить, как голос продолжил:

— Я — ваша преданная поклонница. Хотела бы узнать, можем ли мы как-нибудь встретиться за чашкой чая...

Ее слова меня ошастливили.

— Что ж, премного благодарен. У меня сейчас довольно много работы с книгами — заказы на иллюстрации, которые нужно закончить на этой неделе, — но, возможно, на следующей неделе мы могли бы...

В 1984 году я еще занимался иллюстрацией.

— А мы не могли бы увидеться раньше? Мне неловко вас торопить...

— Что ж, тогда в воскресенье...

— А пораньше?

— ...в субботу...

— ...раньше?

— ...в пятницу?

— Как насчет завтра? Мне очень неловко просить, но я как раз свободна завтра...

— Нет, не стоит... Завтра? Ну хорошо.

— Простите, пожалуйста! А в котором часу?

— Когда вам будет удобно?

Я был крайне взволнован предстоящей встречей с незнакомой женщиной.

— Я встречу с вами в любое время.

Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

— А где вы живете?

— В Исэдзаки-тё.

— Исэдзаки-тё? Это же совсем рядом!

— Да, поэтому я читаю все ваши книги. И иллюстрации тоже люблю...

— Благодарю. Тогда как насчет пяти часов вечера? Я прогуляюсь до Исэдзаки-тё.

— Простите, но можно в три часа?

— В три? Что ж... Наверное, да, могу. Куда мне подойти в три часа?

— Господин Исиока, вы женаты?

— Женат? Нет.

— А дети?

— Нет.

Затем мы поговорили о зодиаке и прогнозах. Митарай немного обучил меня разным способам толкования гороскопов, поэтому по опыту я знал, что женщина, вероятно, будет рада поговорить о любом гадании.

Она оказалась Скорпионом, и, сперва запутавшись в годе рождения, призналась, что родилась в конце 1951 года. Я повесил трубку в приподнятом настроении. Отправился на кухню, чтобы заварить чай, как будто желая налить и ей чашку. Впервые с самого моего рождения мне позвонила поклонница моих книг, моя поклонница!

— Кто звонил? — спросил меня вытиравший посуду Митарай, когда я уже собирался ставить чайник на огонь.

— Читательница. Призналась, что она — моя поклонница и хотела бы встретиться, — ответил я, будто пропев себе под нос.

Митарай вытер руки и переспросил:

— Хотела бы встретиться?

Полчаса спустя он, совсем как англичанин, держа блюдце в левой руке и поднося чашку к губам правой, уточнил:

— Значит, завтра?

Я подтвердил и пересказал ему недавний телефонный разговор.

Митарай поставил чайную чашку на стол и облокотился на спинку кресла. Он холодно смотрел на меня, нахмурившись и приподняв правую бровь. Его губы исказились в усмешке, правый уголок рта пополз вверх.

Такое выражение лица я видел только у Митарай — всякий раз, когда он искренне считал собеседника идиотом.

— Опыт — лучший учитель¹. Поэтому, Исиока-кун, сейчас я, пожалуй, промолчу.

Произнеся лишь это, он принялся обсуждать со мной недостатки системы здравоохранения — тему, волновавшую нас обоих. Хотя, признаюсь, я его не особенно слушал.

* * *

На следующий день я отправился к назначенному времени в кофейню в Исэдзаки-тё, на встречу с позвонившей мне женщиной. Обнаружив, что она еще не пришла, решил подождать ее, достав принесенный с собой журнал. Был ветреный и холодный вторник. Сквозь окно кафе я мог наблюдать за людьми, идущими по каменному тротуару у торгового центра Исэдзаки: их теплая одежда с длинными рукавами была наглухо застегнута, но они, похоже, все равно мерзли.

После двадцати минут ожидания я решил несколько раз обойти небольшой торговый центр. Женщина упомянула, что видела мое лицо на обложке книги и сможет узнать меня, придя на встречу.

---

¹ В оригинале японская пословица, буквально «нет учителя красноречивее опыта».

— Простите, Исиока-сэнсэй¹? — спустя полчаса ожидания раздался надо мной женский голос, и я поднял глаза от журнала. Передо мной стояла симпатичная пухленькая молодая женщина.

Я поспешно поднялся, а она коротко поклонилась мне и села напротив.

— Сэнсэй, вы выглядите намного моложе, чем на фотографии!

У нее была светлая кожа и большие выразительные глаза, розовая помада и ямочки на щеках, появившиеся, стоило ей улыбнуться.

— О, правда? — переспросил я.

Она достала из сумочки экземпляр «Дома кривых стен»², вышедшего совсем недавно, положила на стол и попросила его подписать. Я торопливо расписался своей любимой ручкой.

— Так жаль, что я не знала о другой вашей книге, той, что про зодиак, — смеясь, протараторила она.

Я был удивлен. «Токийский зодиак»³ был куда известнее «Дома кривых стен» — многие читатели приняли его лучше, а о следующей книге даже не слышали. Впервые все было наоборот. Может, она и не поклонница вовсе?

— А сколько денег получает Исиока-сэнсэй после издания книги? — вдруг спросила женщина

— Десять процентов от выручки с продаж, — ответил я.

— Всего десять процентов? — удивленно спросила она, округлив глаза.

— Да, десять.

---

¹ Сэнсэй — буквально «учитель» — вежливое обращение к представителям некоторых, преимущественно интеллектуальных, профессий — учителям, врачам, писателям и т. д.

² Первый роман (1981) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митаран.

³ Второй роман (1982) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митаран.

- А гонорар за рукопись?
- Книга издана недавно, поэтому я пока не получаю за нее денег.
- Вот как... — Она, кажется, была разочарована.
- Гонорар за рукопись перечисляет журнал, если, например, перед выходом книги печатает у себя отрывок, совсем как статью. Это гонорар от журнала.
- Вот как... — Ее тон не изменился.
- Верно.
- Сколько же вам может заплатить журнал?
- А?
- Сколько платят автору за одну страницу?
- Я не смог удержаться от смеха.
- Хотите стать писателем?
- Нет, просто хочу вас расспросить.
- Ну, в моем случае это около трех тысяч йен.
- Три тысячи йен... значит, если напишете сто страниц, то это триста тысяч йен...
- Да.
- Вы же сможете написать сто страниц в месяц, верно?
- Ну, смогу, наверное.
- Хм... — Она задумалась.
- Простите, но я не знаю ваше имя...
- О, правда? Извините. Меня зовут Мариико Мори.
- Мори-сан, а вы пишете?
- Пишу? Ну, разве что эссе...
- А романы?
- Романы — это слишком. Я знаю, у меня нет таланта.
- Неужели?

Мы говорили еще какое-то время. Похоже, Мариико ничего не знала о моих работах в еженедельных журналах или последних иллюстрациях. Все сводилось к тому, что она прочла «Дом кривых стен» и обратила внимание на то, что я жил недалеко от ее дома, вот и всё. А ведь сперва мне

показалось, что она мечтает стать писателем и пришла расспросить меня о реалиях литературного бизнеса...

— Вы работаете?

— Да, в универмаге «Сэкигути» здесь, в Йокогаме.

— В универмаге?

— Да, в отделе женской одежды. Сегодня у меня выходной.

— Должно быть, там хорошо и весело?

— Сэнсэй, вы меня так испугали! Когда я опоздала, вы разозлились и сделали такое страшное лицо...

— Что? Нет, не может быть! Простите, если вам так показалось.

— Я — единственный ребенок, сейчас живу с пожилыми родителями, они тоже зависят от моего дохода...

— Хм...

Я подумал, что она слишком быстро меняет тему разговора.

— Господин Исиока, вы сейчас встречаетесь с кем-нибудь?

— Встречаюсь? Вы имеете в виду с женщиной?

— Да.

— Нет.

— А что насчет бывшей любовницы или жены?

— Нет таких.

— Ясно.

— А вы замужем?

— Нет.

Затем мы перешли к зодиаку. Я не смог ответить подробно, что в этом году ждет Скорпиона, родившегося в 1951 году, но, вспомнив, как и что в таких случаях обычно говорил Митараи, пробормотал что-то уместное.

Когда Марико спросила, какова ее совместимость со мной, рожденным 9 октября 1950 года, я понятия не имел, что ответить, но, не желая обидеть ее, заключил, что я — довольно хороший партнер. Тогда она вдруг спросила,

подходит ли ей сентябрьский мужчина 1946 года рождения.

Вопрос звучал как заранее заготовленный, и я решил, что речь, должно быть, идет о ее нынешнем мужчине.

— Мы уже расстались, — ответила она. — Встречались какое-то время, но ничего не получилось.

— Не сошлись характерами?

— Это плохо?

— Ну, я бы не сказал...

Решив, что дальше расспрашивать неприлично, я сменил тему. Еще немного поболтав ни о чем, мы решили переместиться в заведение, где подавали пиво и легкие закуски.

Заняв один из круглых столиков, стоявших в просторном помещении бара, мы заказали по стакану пива. Стоило им наполовину опустеть, как язык у Марико окончательно развязался, и она поделилась подробностями.

Мужчину 1946 года рождения, с которым она встречалась, звали Фудзинами Таку; он жил в многоквартирном доме, что был построен на месте американской школы в районе Тобэ-ку. Решив купить себе небольшую машину, она отправилась в сервисный центр первого попавшегося производителя, находившийся неподалеку от места ее работы. Менеджером, имевшим с ней дело, оказался Фудзинами — так они и познакомились.

Марико не сказала об этом прямо, но парень, кажется, был высокий и довольно красивый. Он был хорошо образован, добр, никогда не лгал ей и многому успел научить. Я спросил, как долго они были вместе, и Марико сказала, что скоро будет семь лет.

— Вы не задумывались о свадьбе?

— Нет; я сразу поняла, что мы не подходим друг другу.

— Почему?

— Он из тех мужчин, что не подпускают к себе близко. Это же обычное дело для умных людей, верно?